

Заглавие документа:

Уланович О.И. Метафорическое моделирование в коммуникативной технологии политического медиафрейминга / О.И. Уланович // Международная журналистика-2017: идея интеграции интеграций и медиа: материалы VI межд. науч-практ. конф., Минск, 16 февр. 2016; под ред. Д.Н. Дасаевой. – Минск: Изд. центр БГУ, 2017. – С. 339 – 345.

Авторы: Уланович, Оксана Ивановна

Тема: Политическая лингвистика

Дата публикации: 2017

Издатель: Белорусский государственный университет, факультет журналистики

Аннотация:

В статье рассматривается дискурсивная актуализация коммуникативной технологии фрейминга посредством политической метафоры на примере образа России, формируемого в англоязычных СМИ, а также в публичных выступлениях зарубежных политиков (Барак Обама, Дэвид Кэмерон, Хилари Клинтон, Дональд Трамп). Обнаруженные три сферы экспансии фреймов (мир артефактов, мир живой и неживой природы, физическое и социальное бытие человека) представляются доминантными сферами-поставщиками метафорических образов для формирования характерологических политических метафор.

Оксана УЛАНОВИЧ

Белорусский государственный университет

**МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ
В КОММУНИКАТИВНОЙ ТЕХНОЛОГИИ
ПОЛИТИЧЕСКОГО МЕДИАФРЕЙМИНГА**

Медиаполитическая коммуникация – это, бесспорно, общение *стратегическое* в силу существующей идеологической и функциональной зависимости СМИ и политических институтов. Проведенное нами теоретическое исследование коммуникативно-функциональных аспектов политической коммуникации позволяет утверждать, что разработка любой без исключения стратегии, равно как и реализация любой тактики, в современном политическом дискурсе перешло в область эстетизации, инсценирования и театрализации ключевых фигур (актеров) и действий. Не случайно Н.П. Пименов называет политику *символическим идеологическим*

конструктом в силу активного внедрения в политические коммуникации «символических фигур и мифологических образов, сконструированных посредством аудиовизуальных СМИ» [2, с. 105], что нацелено «не на рациональное осмысление, а на внушение устойчивых смыслов посредством инсценирования визуальных эффектов» [3, с. 62].

Н.П. Пименов к современным тенденциям развития символического пространства политики и идеологии относит ее «рекламизацию, маркетизацию, имиджизацию и шоуизацию» [2, с. 107]. При этом ключевой коммуникативной технологией формирования символического пространства политики нам видится технология *политического медиафрейминга*, которая как нельзя лучше подходит для реализации политических стратегий реификации (конструирование образа врага), делегитимизации (разрушение образа оппонента) и самопрезентации.

Технология фрейминга предполагает внедрение презентуемого явления (субъекта или объекта политики) в мотивированно конструируемый контекст – фрейм – с «правильными» эффектами восприятия, задающими должные качества ангажированного отпечатка социальной перцепции. По образному определению медиафрейминга А.А. Казакова, медиапространство позволяет «‘упаковывать’ событие в уже имеющийся шаблон и транслировать его публике» – имплантировать его в «‘оболочку’-фрейм» [1, с. 87]. Фреймы не просто высвечивают, но «рисуют» в картинах мира целевой аудитории именно пристрастные, формирующие правильную перспективу репрезентации, задающие нужное измерение публичной политики в целом.

Для нашего исследования актуален постулат, что среди многообразия собственно вербальных инструментов реализации технологии политического медиафрейминга, конструирования вышеотмеченных символических фигур и образов и реализации тем самым современных форм взаимодействия в пространстве политической коммуникации особого внимания заслуживает политическая метафора. Как инструмент вербальной интеракции метафора предстает сегодня не как стилистическое средство (троп) или формальная фигура художественной образности, а как когнитивный механизм познания, интерпретации, сравнения, оценки и, что особенно значимо – формирования ментального образа. Широкий диапазон коннотативных значений метафоры – полимодальная образность, разноуровневая оценочность и экспрессивность, эстетичность и эмоциональность – наделил метафору силой воздействующего эффекта и преобразовал ее в языковой инструмент реализации имплицитного влияния, что обеспечило ее популярность в современном медиаполитическом дискурсе.

Метафоризация политического общения способствует, думается, не только приданию речи политика большей образности, выразительности, экспрессивности – всех тех характеристик, которые формируют искусство ораторской речи, но и выступает механизмом скрытого (суггестивного) процесса формирования определенного ментального состояния аудитории

(индивидуальных и групповых субъектов политики) с целью имплицитного принятия людьми определенных установок, убеждений, оценок.

Примером дискурсивной актуализации коммуникативной технологии фрейминга посредством политической метафоры может служить образ России, формируемый в англоязычных СМИ. Анализ высказываний метафорического типа в выступлениях Барака Обамы, Дэвида Кэмерона, Хилари Клинтон, Дональда Трампа, в политических трансляциях таких международных медийных агентств и источников как CNN, ABC, Reuters, The Washington Post и др. позволил нам воссоздать метафорический образ России, который, как выяснилось, не является чем-то монолитным, единообразным и константным, а выступает интегративным и комплексным, включающим ряд характерологических аспектов, являющихся объектами метафорической характеристики в едином символическом образе России. Так, можно выделить следующие стороны России как объекта моделирования метафорического образа: а) действия России (ее активность, деятельность, поступки, ответные реакции), б) Россия с точки зрения ее нынешней экономической ситуации, в) Россия с позиции характеристики ее представителей и лидеров – главы государства, политиков, ведомств – всех тех лиц, которые формируют «лицо» страны, г) военная мощь России, д) политическая позиция России.

Семантический и компонентный анализ экспериментального корпуса метафорических выражений позволил выявить следующие *сферы экспансии* метафорических фреймов для формирования метафорических образов: *мир артефактов* (механизмы, здания, транспортные средства, предметы быта), *природа* (живая и неживая) и сам *человек* (в его физическом, психическом и социальном существовании).

Высокая репрезентативность антропоцентрических метафор подтверждает ключевую роль принципа антропоцентризма в когнитивном процессе метафорического моделирования. России, подобно разумному существу – человеку, атрибутируются физические и психические характеристики человека (*bleeding* ‘истекание кровью’; *in hands* ‘удержание в руках’; *inferiority complex* ‘комплекс неполноценности’; *muscle* ‘наличие мышц’; *be «in another world»* ‘витание в облаках’).

Так, в контекстом примере – *this stemmed the bleeding but the ruble has still lost more than 50 % against the dollar this year, leaving the Kremlin in a bind...* (CNN) ‘это остановило падение рубля (букв. остановило кровотечение)...’ – процесс обесценивания национальной валюты предстает как ***bleeding*** ‘истекание кровью’ для акцентирования факта по-прежнему критического экономического состояния вопреки стабилизации рубля.

В следующих контекстных примерах метафорическое атрибутирование России физических характеристик человека демонстрирует ее силу и своеволие: *Russia shows mass military muscle...* ‘Россия демонстрирует военную мощь...’ (букв. ‘мускул, мышцу’); *Crimea fully in Russian hands* ‘Крым полностью во власти России’ (букв. ‘в руках’), *in Crimea ... government*

installations have steadily fallen into Russian hands ‘в Крыму ... правительственные объекты попали в руки России’.

России как субъекту политической жизни активно атрибутируются действия людей в социуме: например, выбирать путь – *if Russia takes that path...* ‘если Россия пойдет этим путем...’; платить по счетам – *Russia has paid a significant cost for its actions – first in Crimea and now in eastern Ukraine* ‘Россия заплатила сполна за свои действия...’, и *that there is a price to pay for this kind of behavior* ‘за такого рода поведение приходится расплачиваться’. Подобные метафорические образы формируют фрейм неизбежности расплаты, чем выражается острокритичная оценка политики России.

Политическая обстановка в мире предстает в виде *playing field* – ‘игрового поля’, в игре на котором сильнее *partners with higher stakes* – ‘партнеры с высокими ставками’ или же тот, кто *has the upper hand* – ‘имеет больший вес’ (букв. ‘чья рука сверху’) (Kerry). В этой игре Россия – сильный игрок (*Putin is playing a really tough, long game here* (Clinton) – ‘Путин ведет затяжную и жесткую игру’), игрок, который побеждает (... *our country is so outplayed by Putin and Assad* (Trump) – ‘Путин и Асад переиграли нашу страну’), наносит удар (*they’re beating us at our own game* (Trump) – ‘они верховодят в нашей же игре’). Россия – игрок с виртуозным, изощренным умом (*Putin has outsmarted her and Obama at every single step of the way – Путин переиграл / обходил Клинтон и Обаму на каждом шагу*), игрок, претендующий на роль кукловода (*he [Putin]’d rather have a puppet as president of the United States* (Clinton) – ‘он [Путин] желал бы посадить в кресло марионетку’). В метафорическом выражении *the ball is in Russia’s court* (CNN) – ‘следующий шаг за Россией’ (букв. ‘мяч во дворе России’) акцентируется выигрышная позиция России «в игре» на политической арене: сильнее сейчас тот, за кем право следующего хода, тогда как остальные – в роли ожидающих в очереди.

Как видим, антропоцентрические метафорические проекции задают как положительный, так и отрицательный фрейминговый эффект в зависимости от интенций и оценок собственно говорящего: фрейм физически сильного человека и мощного соперника в игре формирует образ России как внушительной силы, не исключающей ее зловещий и угрожающий нрав.

В политических метафорах в выступлениях Б. Обамы на политическую тематику весьма активно в качестве сферы экспансии метафорического образа для оценки субъектов мировой политики привлекаются разного рода артефакты – механизмы, предметы быта, транспортные средства, здания и т.д. Так, Россия весьма негативно представлена через «артефактное сравнение» в образе *a gun* ‘орудие, винтовка, пулемет’, но, как замечает говорящий, *small gains can be won at the barrel of a gun* ‘под дулом пистолета можно одержать лишь скромные победы’. Показателен артефактный образ России, ассоциируемой с *gas station* ‘заправочной станцией, источником топлива’: Россия – *fueling violent separatists and a conflict that has killed thousands* –

‘«подпитывает» воинствующих сепаратистов и разжигает конфликт (букв. снабжает топливом)’, ***fueling the fire*** ‘разжигая пламя (конфликта)’ (Obama).

Также через артефактное сравнение Россия предстает в образе транспортного средства, автомобиля, который ***can run roughshod over its neighbors as it has done in Ukraine*** ‘может жестоко обойтись со своими соседями’ (букв. ‘переехать шипованой резиной’), тогда как, как замечает Обама, должно соблюдать «правила движения» на транспортных магистралях мирового территориального деления: ***But we will insist that all nations abide by the rules of the road, and resolve their territorial disputes peacefully*** – ‘Мы настаиваем на соблюдении нациями правил дорожного движения и на мирном решении территориальных вопросов’.

Оценка состояния экономики России также воплощается в артефактном фрейме через образ отрепья, ветоши, жалких остатков (***tatters***): ***Russia is isolated with its economy in tatters*** (Obama) – ‘Россия в изоляции, и ее экономика – в кризисе’ (букв. ‘разорвана в клочья’). Другой артефактный фрейм оценивает экономическую ситуацию в России после введения санкций и падения цен на нефть в 2014-2016 гг. и вовсе как катастрофичную со всех сторон: ***they [in Russia] are between a rock and a hard place in economic policy*** (Reuters) – ‘они там [в России] находятся как между молотом и наковальней / между двух огней’.

Через артефактный образ негативно оцениваются в англоязычном политическом дискурсе громогласные и упорные заявления России о наличии явного «американского следа» в порождении украинского конфликта: ***It is absurd to suggest, as a steady drumbeat of Russian voices do, that America is somehow conspiring with fascists inside of Ukraine*** (Obama) – ‘Абсурдно предполагать, о чем бесконечно трубят в России (букв. ‘барабанят’), что Америка неким образом находится в сговоре с фашистами в Украине’. Также через артефактное сравнение передается отсрокритичная оценка стремления России породить конфликт между Америкой и ЕС: ***After 16 years in power, Mr. Putin’s priorities are all too clear. He wants to drive a wedge between US and European members of NATO*** (The Times) – ‘После 16 лет у власти, приоритеты Путина предельно ясны. Он хочет вбить клин между США и европейскими членами НАТО’.

Метафорические образы, формируемые с помощью артефактных проекций, можно полагать, менее эстетичны, нежели антропоцентрические фреймы, более критичны и категоричны вплоть до неприкрытой критики и прямого обличения. При этом, как замечено, в формировании метафорического портрета России в англоязычных СМИ более репрезентативен «транспортный фрейм», актуализирующий перцептивный образ «автомобиль – источник повышенной опасности».

В природных политических метафорах объекту метафорической характеристики атрибутируются качества природных объектов и явлений или характеристики животных.

Так, в комментариях в англоязычной прессе к ежегодной пресс-конференции Путина (2014 г.) Россия, в ссылках комментаторов на слова президента, предстает в зоонимическом образе *bear* ‘медведя’, стремящегося *to avoid becoming like a **chained bear** whose captors will pull out his teeth and claws* – ‘избежать участи закованного в цепи медведя’, медведя, который *guards his Taiga (forest)* (CNN) – ‘защищает свою тайгу’.

А в агрессивной критике решения Россией Крымского вопроса портрет страны формируется через апеллирование к образу *herd of animals* ‘стада животных’, которое топчет других по принципу «кто сильнее, тот и прав»: *Russian aggression in Europe recalls the days when large nations **trampled** small ones in pursuit of territorial ambition* (Obama) – ‘Российская агрессия в Европе напоминает времена, когда численные нации (букв.) **растаптывали** малочисленные во имя территориальных интересов’. Через реминисценцию образа «животного» самоуправства Россия характеризуется как попирающая общепринятые законы и правила страна: *Russia has chosen to **tear up** the international rulebook and **trample** over the affairs of a sovereign state* (Cameron) – ‘Россия предпочла (букв.) **изорвать** международный кодекс и (букв.) **растоптать** интересы суверенного государства’.

Экономика России изображается находящейся *on the verge / on the brink* – ‘на краю / на грани’: *Russia’s economy **on the verge** of collapse* ‘российская экономика **на краю** пропасти’, *on the brink of crisis* ‘**на грани** кризиса’; *Russian economy **teeters on brink of recession*** – ‘балансирует **на грани** рецессии’. Тем самым убедительность созданного образа экономического краха страны в силу ее положения «у самой черты» формируется, помимо качественного фактора, количественным фактором метафороупотребления.

«Водные» фреймы в силу актуализации в сознании таких качеств водной стихии, как неуправляемость, особая мощь и широкомасштабность, опять же, наделяют объект метафорического сравнения ореолом неконтролируемой силы. В следующем примере «водный» глагол создает косвенно образ страны (России) как мощного, непреодолимого потока: *Russia **poured** arms into eastern Ukraine* (Obama) – букв. ‘Россия **затопила** (наводнила) оружием восточную Украину’. Обширность денежных оборотов в российской экономике также передается через «водный» метафорический образ **потока**: *Russia is a large economy; there’s a lot of financial **flows** between Russia and the rest of the world* (Obama) – ‘Россия – большая экономика с многочисленными финансовыми **потоками** по всему миру’.

Образ России как темной и грозной силы формируется и атрибутированием ей характеристик природной **тени**: *Though Russia is not the Cold War superpower it once was, it can’t be ignored: It has 1,600 deployed nuclear warheads and **casts a huge geopolitical shadow** in Europe* (CNN) – ‘...Россия имеет 1600 единиц размещенных боеголовок и отбрасывает огромную **геополитическую тень** в Европе’.

Таким образом, метафорический образ России является интегративным и формируется с помощью интерпретации, сравнения и оценки таких

доминантных сторон и отдельных аспектов метафорической характеристики, как *действия / деятельность* России на международной политической арене, *экономика* страны, *внешняя и внутренняя политика*, *политические лидеры Российского государства*. Обнаруженные три сферы экспансии фреймов: мир *артефактов*, мир *живой и неживой природы*, физическое и социальное *бытие человека*, представляются доминантными сферами-поставщиками метафорических образов для формирования характерологических политических метафор.

Образ России, в целом, предстает в негативном формате в англоязычном медиаполитическом дискурсе. Это детерминировано как известными украинским и сирийским конфликтами, так и историческим противостоянием стран трансатлантического союза и Российской Федерации и воплощается в понятии политики культивирования русофобии. С другой стороны, нельзя не заметить единый, присутствующий во всех типах метафорических проекций, акцент медийного образа России, заключающийся в фреймовом «высвечивании» особой мощи, силы, решительности, независимости и грозности характеризуемого субъекта, что, помимо явно преследуемой цели критики и обличения, имплицитно обнаруживает присутствие элементов страха и трепета в отношении и оценках. Наличие оценочного компонента в метафорическом образе объекта характеристики (в нашем случае – России) подтверждает предположение об органичной интеграции образности, экспрессивности и оценочности в политической метафоре, что позиционирует ее как смыслоформирующий фрейминговый инструмент в медиаполитической коммуникации.

Литература

1. Казаков, А.А. Фрейминг медиатекстов как инструмент воздействия на аудиторию: обзор распространенных трактовок / А.А. Казаков // Известия Саратовского университета. – Серия «Социология. Политология». – 2014. – Т. 14. – Вып. 4. – С. 85 – 90.
2. Пименов, Н.П. Концепты новых форм политической коммуникации в современной России / Н.П. Пименов // Известия Иркутского государственного университета. – Серия «Политология. Религиоведение» – 2015. – С. 105 – 111.
3. Поцелуев, С.П. Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме / С.П. Поцелуев // Полис. Политические исследования. – 1999. – № 5. – С. 62 – 75.